

Ю. Н. Тынянов

Мнимый Пушкин

(Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. - М., 1977. - С. 78-92)

Оригинал здесь -- <http://www.philology.ru/literature2/tynyanov-77b.htm>

"Пушкин - это наше все". Эта старая формула Аполлона Григорьева, еще подкреплённая в эпоху символизма религиозно-философской абстракцией Мережковского, остается и до сих пор некоторым знаменем. Опираясь на ценность Пушкина, эту ценность объявили единственной; примите Пушкина, остальное приложится. Пока это остается в области философствований на литературные темы, где литература, очевидно для всех, является объектом игры, а не изучения, формула никаких последствий за собою не влечет. Мы привыкли к толкам о мудрости Пушкина, и если он сегодня объявлен апологетом анархической свободы, то завтра мы принимаем его с тою же готовностью в качестве апостола принуждения; в сущности, в теме "Гераклит и Пушкин" - Пушкин кратковременный и невзыскательный гость; он погостит очень недолго в этом соседстве, чтобы завтра занять другое, столь же законное место возле другого философа, будь то Платон или Фихте. Пушкин ничего от этих соседств не приобретет и не потеряет, так же, вероятно, как и его соседи, достаточно привыкшие к неожиданностям. Это ясно, кажется, в настоящее время для всех.

Гораздо важнее, что формула эта находит прочную жизнь в недрах самой литературной науки. Рядом с наукою о литературе незаметно и постепенно выросла "наука о Пушкине". Это не пышный термин, не чисто словесная замена уродливых "пушкиноведения", "пушкиноведства" и совершенно невозможного "пушкинизма", а слегка, может быть, наивное констатирование факта. Изучение Пушкина, сначала количественно, а потом незаметно и качественно как-то вышло за пределы науки о литературе и в лучшем случае соглашается с нею считаться.

Между тем как бы высока ни была ценность Пушкина, ее все же незачем считать исключительной. Незачем смотреть на всю предшествующую литературу как на подготовляющую Пушкина (и в значительной мере им отмененную), а на всю последующую как на продолжающую его (или борющуюся с ним). Этот наивный телеологизм ведет к полному смещению исторического зрения: *вся* литература под знаком Пушкина становится бессмысленной, а сам он остается непонятным "чудом". Историко-литературное изучение, вполне считаясь с ценностью явлений, должно порвать с фетишизмом. Ценность Пушкина вовсе не исключительна, и как раз литературная борьба нашего времени воскрешает и другие великие ценности (Державин). Но в таком случае изучение литературы грозит разбиться на ряд отдельных "наук", со своими индивидуальными центрами; "науки" эти, считаясь с ними, будут стремиться к возможно большему накоплению материалов, которое будет, ввиду большей или меньшей автономности каждой: науки, идти центробежно и все более интенсивно; а так как по мере накопления материалов предмет изучения не станет яснее (индивидуальность во всех ее чертах - неисчерпаема), то чем более будут накапливаться материалы, тем сильнее будет жажда накопления, бездна будет призывать бездну, и в результате каждая "наука" будет все время стоять перед проблемою "последнего колеса" в *perpetuum mobile*. Убеждение, что чем более накопится *всевозможных* материалов, тем легче подойти к изучению Пушкина (как и всякого другого писателя), - ложно. Накопление материалов имеет определенную цель - литературное изучение, вне же этой цели оно превращается либо в кучу Плюшкина, либо, что еще хуже, в мертвые души Чичикова.

Не все справки, как и не все вопросы, одинаково ценны; чем более удаляется литературное изучение от *литературы* (а такое удаление неизбежно, ибо в центре "науки" стоит не *литература*, а *литератор*), тем оно менее ценно и может наконец стать прямо вредным, потому что затемнит и запрудит существо дела. В таком именно положении находится сейчас вопрос о биографии Пушкина. Здесь же коренится стимул к открытию все новых произведений Пушкина. Пора совершенно открыто заявить, что Пушкин дошел до нас в достаточно полном виде, как немногие из русских и иностранных писателей, и что в течение 20 последних лет публикуемые с совершенно излишнею торжественностью, а нередко и с журнальным шумом "новые приобретения пушкинского текста" внесли мало существенно нового и ничего такого, без чего было бы затруднено, искажено изучение Пушкина.

Не все одинаково ценно и в художественном, и в историко-литературном отношении. Если из 1000